

УДК 070.1; 81'42

EDN CIWNLB

DOI 10.17150/2308-6203.2024.13(2).325-341

Original article

Конструирование национальной идентичности в дискурсе современных российских массмедиа

Кондратьева О.Н. , Сатучина Т.Ю.

Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация

Автор, ответственный за переписку: Кондратьева О.Н., Olnik25@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена особенностям конструирования национальной идентичности в современном российском медиадискурсе, представляющем собой один из основных агентов влияния на социум. Материалом исследования послужили идентифицирующие дискурсивные конструкции, извлеченные из газетного подкорпуса «Национального корпуса русского языка» и системы «Яндекс. Новости» (Дзен) за период 2000–2024 гг. Реконструирована предлагаемая российскими массмедиа модель национальной идентичности, включающая когнитивный компонент, содержащий знания и представления об особенностях национальной общности, и аффективный компонент, отражающий оценку общности, отношение к членству в ней и значимость этого членства для всех ее участников. Выявлены и охарактеризованы основные признаки, по которым в современном российском медиадискурсе осуществляется идентификация представителей идеализированной общности «мы — русские». Установлено, что в качестве идентификаторов могут выступать как жесткие факторы (раса, этнос, территория, гражданство), так и мягкие (язык, культура, ментальность), при этом национальная идентичность на современном этапе проявляется преимущественно в социокультурном измерении, поскольку приверженность культуре, духовным ценностям и традициям признаются более важными факторами, нежели расовая, этническая или государственная принадлежность. Акцентируется особая значимость фактора самоидентификации, поскольку русским признается тот, кто сам считает себя таковым, воспринимает Россию как свою Родину, осознает значимость принадлежности к великой русской нации. Продемонстрировано, что современные российские массмедиа транслируют преимущественно позитивные оценки конструируемой национальной общности (уникальность, величие, особая роль в истории России и мира), формируют чувство гордости за достижения русского народа.

Ключевые слова. Медиадискурс, дискурсивное конструирование, модель идентичности, национальная идентичность, идентификация, русские.

Информация о статье. Дата поступления 11 марта 2024 г.; дата поступления после доработки 29 марта 2024 г.; дата принятия к печати 01 апреля 2024 г.; дата онлайн-размещения 30 июня 2024 г.

Научная статья

National Identity Construction in Modern Russian Mass Media Discourse

Olga N. Kondratyeva , Tatiana Yu. Satuchina

Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

Corresponding author: Olga N. Kondratyeva, Olnik25@mail.ru

Abstract. The article deals with the peculiarities of national identity constructed in modern Russian mass-media discourse. The identifying discursive constructions from the newspaper subcorpus of the Russian National Corpus and the system “Yandex. News” (Zen) serve as the material for the analysis (2013–2023). The model of the national identity is described including the cognitive component (the ideas and knowledge about the national community peculiarities) and the emotional component (the evaluation of the community, the attitude to the belonging to the community and the importance of this adherence). The paper reveals and describes the main features alongside which the ideal unity “We are the Russians” is executed. The authors state that the hard factors (race, ethnic group, territory, citizenship) and soft factors (culture, mentality) may serve as identifying factors. The Russian identity is manifested in the social and cultural dimension because cultural wealth and moral values are considered to play a more vital role than racial, ethnic and state adjunction. The self-identification factor is proved to be of great importance as a Russian is the one who thinks himself to be such, who perceives Russian as Motherland, who recognises the value of belonging to the great Russian nation. The authors state that the modern Russian mass-media convey mostly positive features of the national identity (its unique character, majesty, special role in the Russian and world history), form sense of pride in the achievements of the Russian people.

Keywords. Media discourse, discursive construction, identity model, national identity, identification, Russians.

Article info. Received March 11, 2024; revised March 29, 2024; accepted April 01, 2024; available online June 30, 2024.

Введение

Конец XX — начало XXI в. ознаменованы для постсоветского пространства двумя диаметрально противоположными тенденциями в сфере национальной идентичности. Распад Советского Союза, переход к гибриднему политическому и институциональному дизайну привели к разрушению идеологического конструкта «советский многонациональный народ» и потребовали для каждого из образовавшихся

государств (в том числе и для России) выработки собственных идентификационных критериев, в то же время открытие границ и усиление тенденций к глобализации поставили современную Россию перед выбором: «сохранить свою социокультурную самобытность или нивелировать ее в пользу глобальных трендов» [1, с. 184], что позволило исследователям уверенно говорить о «кризисе национальной идентичности» [2].

Проблема национальной идентичности оказалась в фокусе исследовательского внимания достаточно широкого круга гуманитарных наук — философии, этнологии, социологии, политологии, культурологии, психологии и лингвистики. В лингвистических исследованиях основным объектом стала сеть идентификаций россиян, формирующих в разных видах дискурса идеализированную общность «мы — русские». При этом большинство исследователей из двух подходов к понятию идентичности — жесткого (эссенциалистского, примордиалистского) и мягкого (конструктивистского) (подробнее см. [3–11]) выбирают второй. В рамках жесткого подхода идентичность трактуется как нечто стабильное, сложившееся раз и навсегда, в рамках мягкого — как явление подвижное, изменчивое, конструирующееся в процессе существования социума и в процессе коммуникации представителей этого социума. Соответственно, исследователь-лингвист, придерживающийся «мягкой концепции идентичности, ставит вопрос не о репрезентации идентичности средствами языка, а о конструировании идентичности в дискурсе» [5, с. 97].

При конструктивистском подходе в центре исследовательского внимания лингвистов закономерно находится «не столько сама нация, сколько способы ее репрезентации в языке и речи, ее актуализации в коммуникации, способы “говoreния и размышления” о них. Одним из важнейших аспектов конструктивистского исследования нации является анализ дискурса как условия и инструментария “производства” национальной идентичности» [12]. В настоящий момент исследова-

ния дискурсивного конструирования идентичности осуществляются как на материале профессиональных курсов (политического и медийного), так и непрофессиональных (сетевого, юмористического) (см., например, [4; 6; 12; 13; 14; 15]).

Особую значимость при изучении дискурсивного конструирования национальной идентичности имеет обращение к медийному дискурсу, представляющему собой один из основных агентов влияния на общество и обладающему мощным воздействующим потенциалом. Актеры медиадискурса, «осуществляя идентификацию, предлагают аудитории ту или иную модель идентичности, ..., которую аудитория может принять» [16, с. 101].

Цель предлагаемого исследования — проанализировать особенности конструирования национальной идентичности в современном российском медиадискурсе. Хронологические рамки исследования — 2000–2024 г., это период, когда вопросы национальной идентичности приобретают особое значение в российском обществе.

Методология исследования

Материалом исследования послужили дискурсивные конструкции идентичности, извлеченные из газетного подкорпуса «Национального корпуса русского языка» (<https://ruscorpora.ru/>) и системы «Яндекс.Новости» (с 2022 г. — «Дзен») (<https://dzen.ru/news>). По наблюдениям ряда исследователей (см., например, [5, с. 98]), для современной России характерно наложение двух видов коллективной идентичности, в частности, *российской* национальной идентичности (связанной с *государством*) и *русской* национальной

идентичности (связанной с *нацией и/или этносом*). Тем не менее, в настоящем исследовании мы разграничиваем указанные разновидности, поскольку подобное наложение не означает полного тождества, кроме того, современная национальная идентичность «амбивалентна по отношению к гражданско-правовому состоянию» [17, с. 13–22].

В связи с этим поисковые запросы были сформированы таким образом, чтобы получить контексты с эксплицитными лингвистическими маркерами, максимально ярко указывающими именно на национальную принадлежность, т.е. содержащие базовые идентификаторы *русский/русские* (дискурсивные конструкции, содержащие идентификаторы *российский/россияне/россиянин*, нами не рассматривались). В соответствии с данными условиями осуществлялись поисковые запросы «*русские (люди) — это...*», «*русский народ — это*», «*русский (человек) — это...*», в итоге было получено 398 дискурсивных конструкций подобного типа, содержащих ответы на важнейшие идентификационные вопросы «Кто такие русские?» и «Кого можно назвать русским?». Это вопросы «о системе приоритетов и символах, способствующих осознанию общности, сплочению ее в единое целое» [6, с. 63]. Сбор и первичная обработка языкового материала осуществлялись с применением корпусного метода и метода контент-анализа, для классификации и интерпретации материала использовался дискурс-анализ, а также дефиниционный и дистрибутивный анализ.

Результаты исследования

Национальная идентичность понимается нами как когнитивно-дис-

курсивный конструкт, являющийся результатом интерпретирующей и оценивающей деятельности акторов конкретного дискурса (в данном случае — медийного) и отражающий характерные для отдельного временного периода представления о национальной общности, с которой акторы дискурса себя отождествляют.

Русская национальная идентичность «конструируется в дискурсе и присутствует в нем как идеальная сущность, однако эта сущность не дана исследователю, который всегда лишь моделирует ее на основе анализа высказываний субъектов дискурса. ... Таким образом, исследователь, как и всякий сторонний наблюдатель, имеет дело лишь с моделью идентичности, а не с самой идентичностью — идеальной сущностью, принадлежащей дискурсу» [16, с. 121].

Для построения модели идентичности необходимо выявить основные признаки, по которым в медиадискурсе осуществляется идентификация представителей идеализированной общности «мы — русские». Как и любая коллективная идентичность, национальная идентичность «всегда фрагментарна: она состоит из различных блоков в зависимости от ситуации и контекста и вряд ли может стать логически завершенной, даже если именно такая целостность и завершенность являются целью конструкции идентичности» [6, с. 61]. Тем не менее, при своей фрагментарности и подвижности, национальная идентичность включает в свой состав два структурных компонента — *когнитивный и аффективный (эмоциональный)* (см., например, [18–20]). При этом когнитивный компонент вклю-

чает знания, представления об особенностях группы, а аффективный отражает оценку группы, отношение к членству в группе, значимость этого членства для ее участников.

1. Когнитивный компонент национальной идентичности

Когнитивный компонент присутствует в большинстве идентифицирующих дискурсивных конструкций и нередко составляет их основное содержание. Это сложная структура знаний о собственной национальной общности, о ее этнических, территориальных, государственных, конфессиональных, языковых, культурных и иных характеристиках. В данную структуру включаются существенные для группового сознания идентифицирующие признаки, «устанавливающие тождество или различие с кем-либо/чем-либо» [6, с. 66], они актуальны в конкретный момент развития социума и релевантны для конкретной дискурсивной практики. Иными словами, если какой-либо признак национальной общности не представлен в современных массмедиа, то он не включается в актуальную для рассматриваемого хронологического среза модель национальной идентичности. Анализ материала позволил установить, что на современном этапе развития социума национальная идентификация осуществляется по таким признакам, как раса, этнос, территория, гражданство, конфессия, язык, культура и ментальность.

1. «Раса и этнос». Дифференциация и классификация этносов, формирующих нацию, является ядерным компонентом национальной идентификации. Этническая осведомленность, включающая знания

об этнических группах (своей и чужих), традиционно занимает важное место в процессе поиска национальной идентичности, представлена она и в современных массмедиа, акцентирующих внимание на расовой и этнической характеристике представителей русской нации.

Названная характеристика актуализируется в массмедиа как родовыми лексемами *раса, этнос, народ, нация, национальность*, так и лексемами, обозначающими группы народов (*европейцы, славяне, азиаты* и т.п.): *Сегодня русские — это самая бедная ветвь белой расы* (РБК Daily, 2006); *Русские — самые типичные представители белой расы* (Заполярная правда, 2005); *русский — это просто этническая группа, и поэтому русский — это наиболее численная группа у нас в Российской Федерации* (Vesti.ru, 2009); *Русские — это именно народ, а никакая не "национальность"* (Известия, 2006); *мы, русские — нация такая* (Комсомольская правда, 2012).

Значимым для определения статуса русских становится их отнесение к группе европейцев или азиатов, славян или тюрков, при этом мнения относительно происхождения русского этноса высказываются диаметрально противоположные: *Русские — это тоже европейцы* (NEWSru.com, 2014); *Русские никоим образом не принадлежат к белой расе, а являются «азиатской ордой»* (Время и Деньги, 2023); *Мнения самые разные — от категоричных до умеренных. РУССКИЕ — ЭТО АЗИАТЫ!* (Труд-7, 2006); *Каждый раз, когда я слышу малограмотные дискуссии про «русскость», «русские — это славяне» и так*

далее, я вспоминаю этот совершенно стальной ответ: «Я — русский человек» (lenta.ru, 2014); **Если русские — это славяне, куда девать волжан, которые из татар и прочно обрусели? Куда девать сибиряков, чалдонов? Недавних остзейцев, поляков, кавказцев, евреев, цыган? Они россияне, хотя и не готовы забыть о своем происхождении. Как мы без них обойдемся?** (Известия, 2005); **Русские — это потомки одного из многочисленных тюркских племен** (Аргументы и факты, 2007); **Русские и украинцы — разные, потому что русские — это угро-финны, а украинцы — славяне** (Новый регион 2, 2011).

Лидирующими по частотности являются указания на смешанный характер русского этноса, вобравшего в свой состав представителей разных народов, для этого используются лексемы *смесь, смешение, намешано, разные* и др.: **Вы думаете, что русские — это чистые славяне? В нас столько всего намешано: угро-финны, кочевые племена и др.** (lenta.ru, 2015); **Русские — народ, который возник из смешения разных кровей: славянских, финно-угорских, татарских. Мы смешанный народ** (Известия, 2005); **Русский — это 14 разных этносов: древляне, поляне, северяне, вятичи, кривичи, дреговичи и так далее** (РИА Новости, 2005).

Подобные смыслы также реализуются в массмедиа с помощью метафор конструктора или плавильного котла, объединяющих представителей разных этносов в пределах идеализированной общности «русские»: **Но русские, по-моему,**

это такая проектная организованность, а не этнос. ... Потому что русские — это специальная сборка, основанная на финно-угорском, тюркском, славянском субстратах (Vesti.ru, 2009); **русский народ — это плавильный котел, melting pot, и, как показывает опыт построения американской идентичности, на сегодня это самый устойчивый вариант** (lenta.ru, 2014).

Продуктивны в современном медийном дискурсе идентификационные конструкции, отрицающие связь понятия «русские» с понятием «национальность», что проявляется в использовании отрицательных конструкций (*русские — это не...*), в состав которых входят лексемы и словосочетания *кровь, гены, ДНК, форма черепа, разрез глаз, цвет кожи* и др., указывающие на расовые и этнические признаки, которые расцениваются как недостаточное основание для корректной национальной идентификации: **Молодежное движение "Наши" заявило о намерении превратить "Русский марш" в веселый праздник и разрушить стереотип "русский — это национальность"** (РИА Новости, 2009); **Русские — это все, независимо от этнического происхождения, сознающие себя в лоне русской культуры, те, для кого родной язык — русский** (Независимая газета, 1997); **Русский — это культурно-историческая характеристика, кровь тут вообще ни при чем** (Комсомольская правда, 2013); **То есть "русский" — это принадлежность не к крови, а к земле** (Vesti.ru, 2011); **Быть русским — это, конечно, не зависит от крови или от формы черепа. ... Быть русским — это прежде всего при-**

надлежать не к крови, не к этносу, а к культуре, быть носителем русского языка, чувствовать себя патриотом... (Известия, 2005); **Русский — это не цвет жопы, а тип души** (Комсомольская правда, 2007); **Русские — это ... те, кто считает Россию своей большой Родиной и желает ей мира и процветания, независимо от цвета кожи и разреза глаз** (Труд-7, 2003). Частотность подобных идентифицирующих конструкций подтверждает тезис, что русская национальная идентичность на современном этапе проявляется «скорее в социокультурном измерении» [17, с. 13–22], которое существенно доминирует над расовым и этническим.

2. **«Территория».** Разделение этносов на «мы» — «они» может быть зафиксировано в границах, отделяющих родину от чужих территорий, в подобных случаях национальная идентичность конструируется через идею территориальной общности, родной земли и любви к ней. На языковом уровне подобная идентификация осуществляется посредством использования лексем *территория, страна, Россия, Родина, патриотизм* и др.

Территориальный фактор (рождение или длительное проживание на территории России) является одним из ведущих в процессе идентификации: **«Русский народ», «русские» — в эти понятия для меня входят все народы, живущие на территории России. ... можно произнести с подтекстом «я — представитель огромного народа, который живет на территории России** (Аргументы и факты, 2018); **Русский — это представитель белой расы, родившийся на**

территории России или проживающий на территории России не менее одного полного солнечного цикла в 11 лет (Аргументы и факты, 2003); **Быть русским — это чувствовать себя патриотом: русским может считаться каждый, кто живет в России, разделяет русскую культуру и имеет чувство общей судьбы со всем народом России** (Известия, 2005).

Важным условием отнесения к общности «русские» является восприятие России как родной земли, способность испытывать чувство патриотизма и работать на благо отчизны ради ее процветания: *Мы считаем, что русские — это все те, кто считает Россию Родиной. То есть понятие "русские" для нас носит не этнический характер, а носит духовный, духовно-нравственный характер* (Vesti.ru, 2005); **Русские — это ... те, кто считает Россию своей большой Родиной и желает ей мира и процветания, независимо от цвета кожи и разреза глаз** (Труд-7, 2003); **Русский — это тот, кто любит Россию, и я считаю себя глубоко русским человеком** (Известия, 2001).

3. **«Государство».** В процессе идентификации русские характеризуются через связь с государством и его политической системой. Языковые репрезентанты данного признака — *государство, гражданская общность, граждане, политическая система, президент, население* и др. При этом характерной чертой представителя русской нации видится способность ставить интересы государства выше собственных: **Мы русские, как нация, мы связаны с политической системой государства** (Парламентская газета,

2012); **Русские — это огромная масса населения, президентом которого и является Владимир Владимирович** (Аргументы и факты, 2001); **Российский народ — это гражданская общность, которая тоже имеет ценность** (Комсомольская правда, 2004); **Быть русским — это чувствовать себя гражданином великой страны с замечательной историей, страны, в которой живет огромное количество национальностей, объединенных тем, что они принадлежат к большой стране** (Известия, 2005); **И вот недавно у одного из теоретиков я прочитал: русский — это тот, кто интересы российского государства ставит выше своих собственных** (Новая газета, 2016); **Русский — это не только национальность, это принадлежность к России...** (Саратовская областная газета, 2024).

Характеристика русского народа дается через его особый статус, который репрезентирован лексемами *государствообразующий, державообразующий*, что напрямую увязано с понятием государственности: **Русские — это государствообразующий народ. Но Россия сильна тем, что она многонациональна и многоконфессиональна** (Vesti.ru, 2013); **Русский народ — это основатель российской государственности, это державообразующий народ** (Комсомольская правда, 2004); **Русские — это опора российской государственности, и межнациональные отношения в стране во многом определяются национальным самочувствием русского народа** (Труд–7, 2003).

Несмотря на отсутствие в российском законодательстве термина

«титულიная нация», данный дескриптор также используется в массмедиа при конструировании национально-гражданской идентичности: **Просто русские — это коренная, титульная для Москвы национальность** (Комсомольская правда, 2006); **Как и в старые времена, так и в новой России большинство населения было и есть русские, то есть титульная нация** (Комсомольская правда, 2011).

4. **«Конфессия».** Фактор вероисповедания также является одним из традиционных при определении круга «своих». Более чем тысячелетняя история православия предопределяет актуализацию данной характеристики при конструировании национальной идентичности. Языковыми маркерами в данном случае выступают лексемы *религия, вероисповедание, христианство/христиане, православие/православные*: **Цитата "Русский — значит, православный" полностью верна и касается каждого человека, кто считает себя русским** (Царьград, 2003); **В отличие от глобалистского эрзац-православия мы, русские, продолжаем восточно-христианскую традицию** (Парламентская газета, 2021); **Русский — значит, православный, или как патриарх Кирилл учит быть русскими** (Тригстер, 2023); **Я православный русский человек и буду со своей страной, что бы она ни испытывала... Для меня быть русской — это быть православной, безусловно** (Русские новости, 2024); **Только представитель христиан-адвентистов выказал свое раздражение по поводу существования в России устойчивого стереотипа "русский — это православный"** (Ком-

мерсанта, 2001); **Русский народ не только носитель сакральности, он — источник сакральности. Более того, он и есть искомая сакральность** (Русская народная линия, 2024).

5. **«Язык».** В процессе идентификации достаточно часто происходит фактическое отождествление языка и говорящего на нем народа. Язык действительно является одним из важнейших этнодифференцирующих признаков, он обеспечивает связь между прошлым и настоящим, сохраняя коммуникативное пространство этноса и его культурную идентичность [21, с. 137]. В «Декларации русской идентичности», принятой в 2014 г. на XVIII Всемирном Русском Народном Соборе, отмечено: «В русской традиции важнейшим критерием национальности считался национальный язык (само слово «язык» — древний синоним слова «национальность»). Владение русским языком обязательно для всякого русского»¹.

Значимость названного признака репрезентируется в российском медиадискурсе посредством употребления словосочетаний *русский язык, родной язык, носитель языка, говорить по-русски*. В медиадискурсе представлено разное отношение к роли языкового фактора: в части медиатекстов достаточным для национальной идентификации является «пороговый» уровень (говорит по-русски), в большинстве же случаев речь идет о русском языке как родном, языке как вместилище культуры: **Русские — это те, кто говорит по-русски** (Известия,

2002); **«Русские люди» — это «думающие и говорящие на русском языке»** (Независимая газета, 2000); **Русские — это те, для кого родной язык — русский. Правильно. Те, для кого он не родной, тем более те, кто вообще русского не знает — не русские** (Известия, 2005); **Быть русским — это прежде всего принадлежать не к крови, не к этносу, а к культуре, быть носителем русского языка** (Известия, 2005); **Русский народ — это носитель языка, носитель цивилизации** (Новая газета, 2018).

6. **«Культура».** Исторически более поздними и менее жесткими являются характеристики, связанные с культурой, ментальностью, сознанием представителей национальной общности. Погруженность в культуру, владение национальными культурными кодами интерпретируется как показатель национальной принадлежности, языковыми маркерами в этом случае выступают лексемы *культура, цивилизация: Русские — это больше чем национальность. Так всегда было в истории нашей страны. Это в том числе культурная, духовная, историческая идентичность* (Континенталист, 2024); **Русские — это представители русской цивилизации, те, кто воспитан на русской культуре** (Труд–7, 2003); **Русские — это те, кто воспитаны в русской культуре. Их «сделали» русскими усилия всего русского народа, всеми его предыдущими поколениями — языком и музыкой, сказками и преданиями, попами и царями, Разиным и Менделеевым, Сталиным и Брежневым, всей бурлящей и противоречивой жизнью русских и влезавших в эту жизнь «чужих»,**

¹ Декларация русской идентичности (2014) // Этнодиалоги. 2015. №1 (48). С. 74–76. EDN XEMGBN.

и друзей, и врагов. Все они лепили и закаляли (или растлевали) нашу русскость (Военное обозрение, 2012); **Русские — это ... древняя и великая культура** (Аргументы и факты, 2004); **Быть русским — это прежде всего принадлежать не к крови, не к этносу, а к культуре, быть носителем русского языка, чувствовать себя патриотом: русским может считаться каждый, кто живет в России, разделяет русскую культуру и имеет чувство общей судьбы со всем народом России** (Известия, 2005).

7. **«Ментальность»**. Представители одной национальной общности обладают схожими особенностями мировоззрения и мировосприятия, имеют идентичный набор духовных установок, ключевых концептов. Для русской нации важным является тезис о преобладании духовного над телесным, а концепт «душа» интерпретируется как основа русской культуры [22; 23]. Поэтому вполне закономерной является идентификация русских через особый менталитет, особый тип души, что проявляется в использовании лексем **ментальность, менталитет, сознание, самосознание, дух, душа: Русские... Это не про этническую исключительность, а про самосознание, принадлежность к русской культуре и ценностям** (Ulpresa, 2024); **Дескать, в основе их национализма лежит приверженность культурной доминанте: «Русский — это состояние души»** («Время Воронежа», 2014); **РУССКИЙ человек — это душа, а не деньги, это человек отдающий, а не забирающий, как на Западе** (Аргументы и факты, 2006); **Русский — это ... тип души** (Комсомольская правда, 2007); **Тема**

данного фестиваля была выбрана в духе времени: «Русский — это не национальность, это состояние души!» (Октябрьская искра, 2024); **В общем, я так скажу: русский — это не национальность, а состояние духа** («Вечерняя Казань», 2013); **Наша страна — не плебеи, мы русские, русские — это дух** (Царьград, 2024).

8. **«Самоидентификация»**. Значимым для современного этапа развития социума является фактор самоидентификации, русским человеком зачастую признается тот, кто считает себя таковым, при этом факторы национальности, внешности, проживания на территории страны, религиозных убеждений (или их отсутствие) не играют принципиальной роли. В идентифицирующих конструкциях подобного типа активно используются лексемы **самоидентификация, считать, объявлять, заявлять, заявительное право: Русский — по определению не тот, все предки которого славяне (или все предки которого финно-угры, или все предки которого татары и так далее); русский — это тот, кто считает себя русским. Это единственно возможный научный подход, в рамках которого национальность определяется не по родословной, не по генетике, а по самосознанию** (Газета, 2008); **Потому что дети от смешанных браков в той же Москве в основном самоидентифицируются как «русские»** (lenta.ru, 2015); **Русские — открытая система. Быть русским — это заявительное право: русским вправе быть любой, кто объявляет себя таковым; и мы каждый раз оказываемся перед необходимостью признать этот**

акт (Известия, 2006); *Мы, граждане России, понимаем, что русский — это тот, кто считает себя таковым вне зависимости от цвета волос, окончания фамилии и даже происхождения* (Труд–7, 2010); *Мы считаем, что русские — это все те, кто считает Россию Родиной. То есть понятие "русские" для нас носит не этнический характер, а носит духовный, духовно-нравственный характер* (Vesti.ru, 2005).

2. Аффективный компонент национальной идентичности

Представления «о своем народе, его характерных чертах, религии, культуре, менталитете часто не нейтральны, они эмоционально окрашены, к ним вырабатывается определенное отношение, причем не только позитивное (гордость, восторг), но и негативное (стыд, смущение, вина, самоирония) и др.» [6, с. 64]. Подобные отношения и оценки называются психологами этническими аттитюдами.

Национальная идентичность — это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства в ней, разделяемые всеми членами сообщества этнические чувства. Зачастую «достоинство, гордость, обиды, страхи являются важнейшими критериями межэтнического сравнения. Эти чувства опираются на глубокие эмоциональные связи с этнической общностью и моральные обязательства по отношению к ней, формирующиеся в процессе социализации индивида» [24, с. 49].

1. «Оценка качеств собственной группы». Современные масс-медиа транслируют в подавляющем большинстве случаев позитивные

оценки конструируемой национальной общности, заключающиеся в ее уникальности и величии. Регулярно отмечается исключительность идеализированной общности «русские», ее отличие от других, на что указывают прилагательные *непохожий, особый, особенный, отдельный, уникальный, лучший*: **Мы русские — разве этого мало? Это отдельная цивилизация с отдельной географией, историей, обычаями, привычками и физиогномикой, она абсолютно ни на кого не похожа** (Комсомольская правда, 2013); **Мы, русские, такой особенный народ** (Комсомольская правда, 2012); **Мы русские, мы особенные** (lenta.ru, 2001); *По ее словам, то, как поступил сегодня русский народ, — это «уникальный пример милосердия и добра»* (Парламентская газета, 2014); **Мы — Русские! Мы — Лучшие!** (Советский спорт, 2006).

Основной оценочной характеристикой является величие русского этноса, при этом основной языковой маркер данного признака — *великий* — зачастую используется в формах сравнительной и превосходной степени или повторяется несколько раз в пределах одного контекста, распространяясь на все объекты, имеющие отношение к русскому этносу (культуру, историю, язык и т.д.): **Российский народ — это величайший народ мира, он все чуждое отбросит** (Известия, 2013); **Русские — это нация великая, создавшая великую культуру** (Труд–7, 2004); **Русские — великий народ. Во всех классах, профессиональных слоях и этнических группах. Русские — это инженер и балерина, офицер и космонавт, писатель и священник** (Комсомоль-

ская правда, 2010); *Еще до начала СВО Сергей Селин заявлял, что мы — великая нация, величайшая страна и что надо гордиться своей Россией* (ИА Хакасия, 2024).

При характеристике русского этноса регулярно отмечаются такие его положительные характеристики, как *сила, мужество, защита, опора, помощь, стабильность*, отмечается особая роль русского народа как для страны, так и для всего мира: *Русские — это же не просто так! Русские — это сила!* (Известия, 2013); *Русские — это одна из движущих сил мировой истории* (Известия, 2006); *Русские — это такие современные казаки, чья жизнь и деятельность состоит в “эффективной защите соотечественников”* (Ведомости, 2006); *Мы — русские люди, нам до всего и всегда есть дело. Ведь без России не выжить народам мира* (Знамя, 2024); *Русские — это опора российской государственности, и межнациональные отношения в стране во многом определяются национальным самочувствием русского народа* (Труд-7, 2003); *А русские — это такая нация, у которой есть дар — помощь другим* (Дзен, 2024); *Русский народ — это огромный стабилизирующий фактор* (Аргументы и факты, 2002).

Также в массмедиа особо акцентируется внимание на сакральности русского этноса, его ответственности перед собой, страной и Богом, на его особом пути служения: *Но много ли было чести таким, настоящим русским, если бы они вдохновенно пели «душу, тело мы положим за свою свободу»? Ведь каждый христианин, каждый достойный*

человек знает девиз: «Душу — Богу, жизнь — Родине, честь — никому!». Так что, какой гимн — такие и «русские» (Комсомольская правда, 2010); *Русский народ не только носитель сакральности, он — источник сакральности. Более того, он и есть искомая сакральность* (Русская народная линия, 2024); *Русский народ — это народ идеала и срыва, народ самоотверженного служения, но и глубоких падений* (Аргументы и факты, 2002).

Квинтэссенцией оценки русского этноса, особых черт характера всех его представителей являются многочисленные цитаты слогана фильма Н. Михалкова «Сибирский цирюльник»: *К счастью, способен. «Он русский — это многое объясняет!» — это заезженное изречение после триумфа Михаила приобрело новый, по-настоящему патриотичный смысл* (Комсомольская правда, 2002).

2. «Отношение к членству в группе». В массмедиа акцентируется внимание на удовлетворенности членством в этнической общности, гордость за достижения своего народа. Наиболее ярким примером в этом отношении является знаменитая фраза Екатерины II, активно цитируемая в российских массмедиа: *Я имею честь быть русской, я этим горжусь* (Первый канал, 2018). Принадлежность к конструируемой национальной общности интерпретируется в современных русских массмедиа как дар судьбы, члены сообщества испытывают гордость и восторг, экспликаторами подобных настроений являются лексемы *честь, привилегия, счастье, ответственность, гордость/гор-*

даться, восторг, патриотизм: **Быть русским — большая честь и привилегия** (KamchatkaMedia, 2024); **Быть русским — значит добровольно и четко принять на себя это звание — и счастье, и крест** (Военное обозрение, 2013); **Я горжусь тем, что я русский, я люблю свой родной язык** (Парламентская газета, 2019); **«Мы русские!» — этот вид патриотизма здесь присутствовал всегда** (lenta.ru, 2015); **И хочу, чтобы фраза Суворова «Мы русские — какой восторг!» звучала сегодня не в ироническом, а нормальном контексте** (Комсомольская правда, 2014); **Мы — русские! Какой восторг! Эту фразу великого полководца, основоположника русской военной теории Александра Суворова часто повторял отец нынешнего участника СВО — Камышанина Дениса Андреевича К.** (BezFormata.com, 2024); **«Ура, мы русские, какой восторг, и давайте свидетельствовать посредством телеканала “Спас” о торжестве и разуме православия всей Вселенной» — сказал протоиерей** (NEWSru.com, 2019); **Англичанин — это образ жизни, чукча — это диагноз, а русский — это судьба** (Аргументы и факты, 1999).

3. **«Значимость членства в группе».** Принадлежность к конструируемой общности оценивается как одно из достижений, как главный фактор социальной успешности, имеющий особое значение в биографии и судьбе представителей общности, что подчеркивается языковыми маркерами *главное, важно, значимо* и др.: **Человек я русский — это главное. У меня и отец, и мать здесь похоронены**

(Комсомольская правда, 2001); **Но быть русским — значит подниматься над своим местечковым, территориальным, этническим; отодвинуть его на второй план по сравнению с более значимой общностью** (Известия, 2006); **И вот недавно у одного из теоретиков я прочитал: русский — это тот, кто интересы российского государства ставит выше своих собственных** (Новая газета, 2016).

Заключение

Проведенное исследование подтвердило, что проблема национальной идентичности занимает одну из ключевых позиций в информационной повестке российских массмедиа конца XX — начала XXI вв. Созданный массмедиа конструкт (идеализированная общность «мы — русские») включает в свой состав как когнитивные компоненты (знания и представления об особенностях группы), так и аффективные, поскольку осознание величия и уникальности национальной общности, значимость принадлежности к ней являются важными факторами (условиями) национальной идентификации.

Процесс национальной идентификации, разворачивающийся на страницах массмедиа, является многоуровневым и включает частные варианты идентификации — расовую, этническую, территориальную, гражданскую, конфессиональную, языковую, культурную, ментальную, каждая из которых основана на одном из идентифицирующих признаков, позволяющих четко разграничить своих и чужих и одновременно обозначить набор характеристик, которыми должен обладать представитель конструируемой общности.

В качестве идентификаторов могут выступать как жесткие факторы (раса, этнос, территория, гражданство), так и мягкие (язык, культура, ментальность), при этом российская идентичность на современном этапе проявляется преимущественно в социокультурном измерении, поскольку приверженность культуре, духовным ценностям, традициям, общность установок и целей признаются более важными факторами, нежели расовая, этническая или государственная принадлежность. Кроме того, акцентируется особое внимание на важности фактора самоидентификации, т.е. русским признается тот человек, кто

считает себя таковым, воспринимает Россию как свою Родину, осознает значимость принадлежности к великой русской нации.

Актеры медиадискурса предлагают реципиентам (читателям) сконструированную модель идентичности, принятие предлагаемой модели или ее отторжение обществом не является мгновенным, предполагается период осмысления и оценки ее убедительности и жизнеспособности. Чтобы оценить итоговый результат, необходимо исследовать комментарии к медиатекстам, посвященным проблемам национальной идентификации, и сетевые дискуссии, что представляется перспективной будущих исследований.

Список использованной литературы

1. Меликов И.М. Мем как элемент культурного кода самоидентификации российского общества / И.М. Меликов, В.Г. Сипович, Н.М. Карась. — DOI 10.17922/2071-3665-2021-20-2-183-191. — EDN LDLSVE // Социальная политика и социология. — 2021. — Т. 20, № 2 (139). — С. 183–191.
2. Гаджиев К.С. О кризисе национальной идентичности / К. С. Гаджиев. // Мир и политика. — 2013. — № 1. — URL: <http://mir-politika.ru/3499-o-krizise-nacionalnoy-identichnosti.html>.
3. Брубейкер Р. Этничность без групп / Р. Брубейкер. — Москва : Изд. дом Высш. шк. экономики, 2012. — 408 с.
4. Енина Л.В. Идентичность как дискурсивный концепт и механизмы дискурсивной идентификации / Л.В. Енина. — EDN XQZQVN // Политическая лингвистика. — 2016. — № 6 (60). — С. 159–167.
5. Енина Л.В. Практики политической идентификации россиян под влиянием медиа-концепта «Информационная война» / Л.В. Енина, О.В. Ильина, Е.В. Каблуков, Э.В. Чепкина. — EDN ZEGYTL // Политическая лингвистика. — 2017. — № 4 (64). — С. 96–107.
6. Иссерс О.С. Дискурсивная самоидентификация россиян в игровых жанрах Рунета (на материале демотиваторов) / О.С. Иссерс. — DOI 10.17223/19986645/79/4. — EDN ZDQYJO // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2022. — № 79. — С. 59–83.
7. De Cillia R. The Discursive Construction of National Identities / R. De Cillia, M. Reisigl, R. Wodak // Discourse & Society. — 1999. — Vol. 10, no. 2. — P. 149–173.
8. Krossa A.S. Collective Identities in East Central Europe: Poland, the Czech Republic and Hungary and the Integration of the European Union / A.S. Krossa. — Berlin, 2005. — 240 p.
9. Lutter Ch. Cultural Studies. Introduction / Ch. Lutter, M. Reisenleitner. — Vienna : Turia + Kant, 2001. — 158 p.
10. The Discursive Construction of National Identity / R. Wodak, R. De Cillia, M. Reisigl, K. Liebhart. — Edinburgh : Edinburgh University Press, 2009. — 276 p.
11. A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology and Interdisciplinarity / ed. R. Wodak, P. Chilton (eds.). — Amsterdam, Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2005. — 320 p.

12. Крюкова С.В. Языковое моделирование национальной идентичности в политическом медиадискурсе (на материале новогодних обращений президента РФ и посланий В.В. Путина к Федеральному Собранию) / С.В. Крюкова, Е.А. Кожемякин // Современный дискурс-анализ. — 2020. — Вып. 20, т. 1. — URL: http://www.discourseanalysis.org/ada20_1/st140.shtml.
13. Асташкина П.Г. Речевая репрезентация национальной идентичности в медиа: сопоставительный аспект / П.Г. Асташкина. — EDN WXDPER // Ученые записки Новгородского государственного университета. — 2016. — № 3 (7). — С. 1–5.
14. Слободяник Н.Б. Конструирование идентичности в политическом дискурсе: к вопросу о роли социального антагонизма (о концепции политического дискурса Лаклау и Муффа) / Н.Б. Слободяник. — EDN JVKYCN // Политическая лингвистика. — 2007. — № 2 (22). — С. 60–67.
15. Степанова А.С. Русская национальная идентичность (на материале демотиваторов и мемов) / А.С. Степанова. — DOI 10.36809/2309-9380-2021-30-96-100. — EDN GRQZCR // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. — 2021. — № 1 (30). — С. 96–100.
16. Каблуков Е.В. Региональная идентификация россиян в дискурсе СМИ: единство и разнообразие / Е.В. Каблуков, О.В. Ильина. — DOI 10.17223/19986645/74/6. — EDN SBMZVP // Вестник Томского государственного университета. Филология. — 2021. — № 74. — С. 99–112.
17. Волков Ю.Г. Российская идентичность: особенности формирования и проявления / Ю.Г. Волков. — EDN OPCIOI // Социологические исследования. — 2006. — № 7 (267). — С. 13–22.
18. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика / И.М. Бусыгина. — Москва : РосСПЭН, 2006. — 280 с. — EDN QOFMEX.
19. Замогильный С.И. Кросскультурное соотношение когнитивного и аффективного факторов в ингрупповой идентификации (сравнительный анализ) / С.И. Замогильный, Ю.В. Ставропольский. — EDN KPYHKN // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — 2009. — №1 (149). — С. 105–107.
20. Стефаненко Т.Г. Когнитивный и аффективный компоненты этнической идентичности / Т.Г. Стефаненко. // Этнопсихология : учебник. — Москва, 1999. — С. 110–114.
21. Морзавченков Г.А. Язык как фактор этнокультурной идентичности : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Г.А. Морзавченков. — Нижний Новгород, 2015. — 163 с.
22. Кондратьева О.Н. Метафорическое моделирование концепта «душа» в древнерусской линвокультуре / О.Н. Кондратьева. — Москва : Перо, 2014. — 188 с. — EDN RZSHRZ.
23. Wierzbicka A. Dusha (= Soul), Toska (= Yearning), Sud'ba (= Fate): Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture / A. Wierzbicka. // Formal Methods in the Description of Slavic Languages. — Bialystok, 1990. — P. 13–36.
24. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности / Г.У. Солдатова. — Москва : Смысл, 1998. — 386 с.

References

1. Melikov I.M., Sipovich V.G., Karas N.M. Meme as an Element of the Cultural Code of Self-identification of Russian Society. *Sotsialnaia politika i sotsiologija = Social Policy and Sociology*, 2021, vol. 20, no. 2, pp. 183–191. (In Russian). EDN: LDLSVE. DOI: 10.17922/2071-3665-2021-20-2-183-191.
2. Gadzhiev K.S. About the Crisis of National Identity. *Mir i politika = World and Politics*, 2013, no. 1. Available at: <http://mir-politika.ru/3499-o-krizise-nacionalnoy-identichnosti.html>. (In Russian).
3. Brubeiker R. *Ethnicity Without Groups*. Moscow, HSE Publishing House Publ., 2012. 408 p.
4. Enina L.V. Identity as a Discursive Concept and Discursive Identification Mechanisms. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2016, no. 6, pp. 159–167. (In Russian). EDN: XQZQVN.

5. Enina L.V., Ilina O.V., Kablukov E.V., Chepkina E.V. Practices of Political Identification of Russians under the Influence of "Information Warfare" Media Concept. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2017, no. 4, pp. 96–107. (In Russian). EDN: ZEGYTL.
6. Issers O.S. Discursive Self-Identification of Russians in the Game Genres of the Ru-net (on the Example of Demotivators). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, 2022, no. 79, pp. 59–83. (In Russian). EDN: ZDQYJO. DOI: 10.17223/19986645/79/4.
7. De Cillia R., Reisigl M., Wodak R. The Discursive Construction of National Identities. *Discourse & Society*, 1999, vol. 10, no. 2, pp. 149–173.
8. Krossa A.S. *Collective Identities in East Central Europe: Poland, the Czech Republic and Hungary and the Integration of the European Union*. Berlin, 2005. 240 p.
9. Lutter Ch., Reisenleitner M. *Cultural Studies. Introduction*. Vienna, Turia + Kant, 2001. 158 p.
10. Wodak R., De Cillia R., Reisigl M., Liebhart K. *The Discursive Construction of National Identity*. Edinburgh University Press, 2009. 276 p.
11. Wodak R., Chilton P. (eds). *A New Agenda in (Critical) Discourse Analysis: Theory, Methodology and Interdisciplinarity*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing, 2005. 320 p.
12. Kryukova S.V., Kozhemyakin E.A. Language Modelling of National Identity in Political Media Discourse (Cases of Presidential New Year TV Addresses and Appeals to the Federal Assemblée). *Sovremennyyi diskurs-analiz = Modern Discourse Analysis*, 2020, iss. 20, vol. 1. Available at: http://www.discourseanalysis.org/ada20_1/st140.shtml. (In Russian).
13. Astashkina P.G. Speech Representation of National Identity in the Media: Comparative Aspect. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta = Memoirs of NOVSU*, 2016, no. 3, pp. 1–5. (In Russian). EDN: WXDPER.
14. Slobodyanik N.B. Construing Identity in Political Discourse: On the Role of Social Antagonism. *Politicheskaya lingvistika = Political Linguistics Journal*, 2007, no. 2, pp. 60–67. (In Russian). EDN: JVKYCN.
15. Stepanova A.S. Russian National Identity (on the Example of Demotivators and Memes). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya = Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 2021, no. 1, pp. 96–100. (In Russian). EDN: GRQZCR. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-30-96-100.
16. Kablukov E.V., Ilina O.V. Regional Identification of Russians in Media Discourse: Sameness and Difference. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya = Tomsk State University Journal of Philology*, 2021, no. 74, pp. 99–112. (In Russian). EDN: SBMZVP. DOI: 10.17223/19986645/74/6.
17. Volkov Yu.G. Russian Identity: Specifics of Making and Appearance Social Policies. Social Structure. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2006, no. 7, pp. 13–22. (In Russian). EDN: OPCIOL.
18. Busygina I.M. *Political Regionalism*. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2006. 280 p. EDN: QOFMEX.
19. Zamogilniy S.I., Stavropolskiy Yu.V. Cognitive Affective Factors' Crosscultural Ratio in Ingroup Identification. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Severo-Kavkazskii region. Obshchestvennye nauki = Bulletin of Higher Education Institutes. Northern-Caucasus Region. Social Sciences*, 2009, no. 1, pp. 105–107. (In Russian). EDN: KPYHKN.
20. Stefanenko T.G. Cognitive and Affective Components of Ethnic Identity. In *Ethnopsychology*. Moscow, 1999, pp. 110–114. (In Russian).
21. Morzavchenkov G.A. Language as a Factor in the Construction of Ethno-Cultural Identity. Cand. Diss. Nizhniy Novgorod, 2015. 163 p.
22. Kondratyeva O.N. *Metaphorical Modelling of Concept 'Soul' in Old Russian Lingvo-culture*. Moscow, Pero Publ., 2014. 188 p. EDN: RZSHRZ.
23. Wierzbicka A. Dusha (= Soul), Toska (= Yearning), Sud'ba (= Fate): Three Key Concepts in Russian Language and Russian Culture. *Formal Methods in the Description of Slavic Languages*. Bialystok, 1990, pp. 13–36.
24. Soldatova G.U. *Psychology of Interethnic Tension*. Moscow, Smysl Publ., 1998. 386 p.

Информация об авторах

Кондратьева Ольга Николаевна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация, olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>, SPIN-код: 4483-6931, Scopus Author ID: 57192920663, ResearcherID: U-4723-2017.

Сатучина Татьяна Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Кемеровский государственный университет, г. Кемерово, Российская Федерация, tatianakuznetsova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>, SPIN-код: 2772-8450.

Authors Information

Olga N. Kondratyeva — D.Sc. in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Language and Literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, olnik25@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9469-3634>, SPIN-Code: 4483-6931, Scopus Author ID: 57192920663, ResearcherID: U-4723-2017.

Tatiana Yu. Satuchina — PhD in Philology, Associate Professor, Department of the Russian Language and Literature, Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation, tatianakuznetsova86@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7921-441X>, SPIN-Code: 2772-8450.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the Authors

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Для цитирования

Кондратьева О.Н. Конструирование национальной идентичности в дискурсе современных российских массмедиа / О.Н. Кондратьева, Т.Ю. Сатучина. — DOI 10.17150/2308-6203.2024.13(2).325-341. — EDN CIWNLB // Вопросы теории и практики журналистики. — 2024. — Т. 13, № 2. — С. 325–341.

For Citation

Kondratyeva O.N., Satuchina T.Yu. National Identity Construction in Modern Russian Mass Media Discourse. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki = Theoretical and Practical Issues of Journalism*, 2024, vol. 13, no. 2, pp. 325–341. (In Russian). EDN: CIWNLB. DOI: 10.17150/2308-6203.2024.13(2).325-341.